

ПАМЯТЬ

Михаил Ромм:

«Буду рассказывать только о тех, кого знаю»

«Я поздно догадался заняться кинематографической деятельностью, — писал в своих воспоминаниях кинорежиссер Михаил Ильич Ромм, 100-летие со дня рождения которого отмечается в январе. — Мне было 28 лет, когда я получил первый гонорар за детскую короткометражку, написанную в соавторстве еще с тремя лицами. До этого я занимался всеми видами искусства, кроме балета и игры на тромбоне».

Не родись у него решение бросить скульптуру (а по образованию Ромм был скульптором), мы не имели бы таких замечательных картин, как «Пышка», «Тринадцать», «Мечта», «Девять дней одного года», «Обыкновенный фашизм». Михаил Ильич был не просто выдающимся режиссером. Он стал явлением в духовной жизни людей нескольких поколений. Он был одним из лидеров нового мышления в период «оттепели», расходовал себя щедро, не жалея сил — на съемочной площадке, в статьях, книгах, на лекциях во ВГИКе и Высших режиссерских курсах (среди его учеников Андрей Тарковский, Георгий Данелия, Игорь Таланкин, Владимир Басов, Резо Чхеидзе, Григорий Чухрай, Александр Митта и многие другие видные мастера), руководя объединением на «Мосфильме».

Да, он снимал в свое время фильмы о Ленине, об адмирале Ушакове, о парижских коммунарах. Но когда ему перевалило за 60, отбросил все условности и выработал для себя свод правил, которые

поклонялся неукоснительно соблюдать:

1. Отныне я буду рассказывать только о тех людях, которых я знаю, лично знаю.
2. Отныне я буду делать фильмы только на современном советском материале, потому что я его знаю.
3. Отныне я буду говорить только о том, что меня лично волнует как человека, как гражданина своей страны, причем как человека определенного возраста, определенного круга.
4. Отныне я буду рассчитывать на то, что среди 220 миллионов моих сограждан найдется хоть несколько миллионов, ко-

торые думают о том же, о чем думаю я, и на том же уровне, на каком думаю я. Я буду делать картины для них.

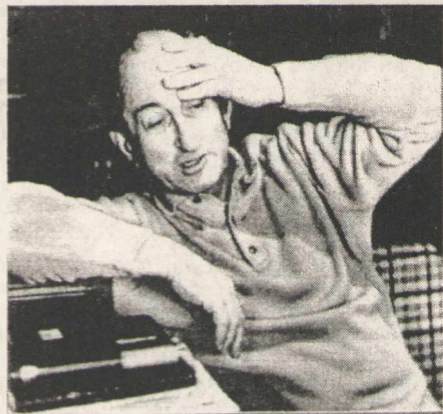
5. Если я убежден, что исследовать человека нужно в исключительные моменты его жизни, пусть трагические, пусть граничащие с крушением, катастрофой, то я буду брать этот материал, не боясь ничего.

У многих сегодня складывается впечатление, что Михаил Ромм был любимцем начальства. Еще бы: народный артист, лауреат государственных премий, профессор. Но не все в жизни мастера, правдолюбца и новатора, складывалось гладко. Вот выдержки из его письма, направленного в ЦК КПСС, в котором Ромм был вынужден объяснять свое выступление в пользу итальянского неореализма. Ведь его после этой речи (а дело происходило в 1947 году) обвинили в низкопоклонстве перед Западом и смещении борьбы против космополитов с антисемитизмом (что, по словам обвинителей, «является либо дремучим невежеством, либо провокацией»).

«Был ли антисемитизм в конце сталинской эпохи, и в частности, проявлялся ли он во время кампании по борьбе с «безродными космополитами»? — задает риторический вопрос Ромм. — Мне кажется странной сама необходимость доказывать это... Зачем прятаться от того, что было? Я сам неоднократно сталкивался с антисемитской практикой в самых разнообразных проявлениях начиная примерно с 1944 года и вплоть до ареста Берии...»

Во время кампании по борьбе с «безродными космополитами» в первоначальные списки в группу обвиняемых непременно включались один-два нееврея (так же, как среди «врачей-убийц», якобы являвшихся сионистами, состоящими на службе у «Джойнта», числился профессор Виноградов). Все понятно, почему это делалось. Но дальше список расширился в зависимости от совести тех, кто проводил кампанию. И тут начинал действовать уже ничем не прикрытый антисемитизм. У нас в кинематографии кампанию проводил бывший заместитель министра кинематографии Сакотников. Надо сказать, что подавляющее большинство творческих работников кино хотело и вынуждены были произносить «разоблачительные» речи, но никто не хотел участвовать в расширении списков, не хотел губить новых и новых товарищей. Поэтому количество «безродных космополитов» оказалось не столь велико: 7-8 человек на всю кинематографию.

Иное дело в литературе. В Москве кампанию возглавляли А. Сафронов, как оргсекретарь ССП, и Н. Грибачев, как секретарь партийной организации ССП. Им посильно помогали Суров, Первенцев, Бубеннов. На их совести лежит судьба

многих и многих честных и хороших писателей и критиков, не имеющих никакого отношения к космополитизму...

О сионизме... Сионизм — это буржуазный еврейский национализм с ярко выраженным антисоветским характером... Я не сионист, я коммунист. После 1917 года я вообще надолго забыл, что я еврей. Меня заставили вспомнить об этом в 1944 году, когда возник проект организации «Руссфильма». По этому проекту в Москву допускались работать режиссеры Пырьев, Александров, Герасимов, Савченко, Бабочкин, Жаров. А Эйзенштейн, Райзман, Рошаль, Ромм и прочие, носящие аналогичные фамилии, — должны были остаться на национальных студиях — в Алма-Ате, Ташкенте. Проект этот не был осуществлен, но в последующие годы мне частенько напоминали разными способами, что я — еврей: и по случаю космополитизма, и в связи с организацией судов чести, и при формировании моей съемочной группы, и во времена («дела») «врачей-убийц».

«Это кончилось, слава богу, кончилось!»... Пришлось Михаилу Ильичу пройти и через угрозу так называемого суда чести, — они в 1947 году организовывались повсюду. Ромм снимал в тот момент пробу к фильму «Русский вопрос», когда на общегородском собрании кинематографистов выступал министр кинематографии Большаков по вопросу организации суда. Он объявил состав суда и сообщил, что первым будет рассматриваться дело Михаила Ромма «о его низкопоклонском письме белоэмигранту Михаилу Чехову».

«Году в 1945-м действительно состоялась своеобразная переписка, — вспоминал Ромм. — Знаменитый актер МХАТа, эмигрировавший в свое время в Америку (до сих пор методика вживания в образ Михаила Чехова используется при обучении американских актеров), прислал на «Мосфильм» письмо по случаю показа в США первой серии фильма «Иван Грозный», критиковал методы работы Эйзенштейна с актером и писал: дорогие друзья, мы ждем именно от вас настоящего искусства, здесь у нас капитализм, одни торгаши и т.п. Письмо Чехова было опубликовано в «Бюллетене ВОКСа». И в скорости позвонил мне Каменев, председатель ВОКСа (Всесоюзное общество культурной связи с заграницей), и сказал:

«Михаил Ильич, надо бы ответить Чехову. Мы посоветовались с Эйзенштейном, и он посоветовал, чтобы на это письмо, на критику «Ивана Грозного», ответили бы вы. И кстати, в конце письма, так сказать, намекнуть Чехову, что неплохо бы ему вернуться домой, что мы его ждем или что-нибудь в этом роде, ведь он оказал нам большие услуги во время войны. Вообще-то он хочет вернуться — как Вертинский, Куприн и другие. И поскольку он в письме обращается к нам «дорогие друзья», то и к нему надо обратиться «дорогой Михаил Александрович».

Ромм удивился: «Ну почему же именно я? — «Да вот так вот, Сергей Михайлович просил. И Всеволод Пудовкин к этой просьбе тоже присоединился».

Ромм действительно написал это письмо, причем позвонил Каменеву и сказал, что всю теоретическую часть, критику, ответ на критику он берет на себя, а вот заключительные фразы с приглашением, надо, чтобы кто-то утвердил, — и он написал ряд вариантов, потому что не очень знал, как пишутся такие вещи, предложив Каменеву самому выбрать подходящий вариант.

Каменев действительно выбрал один из вариантов и отправил его. Черновик же письма — со всеми вариантами концовки одновременно — был напечатан в «Бюллетене». На

беду профессор Гридасов раскопал это письмо и прочел лекцию во ВГИКе под названием «Творческая переписка через океан», расхваливая как Ромма, так и Чехова. А кто-то из студентов сообщил о сем властям придержающим, дело дошло до Большакова. Вот тот и решил устроить суд чести.

С Большаковым взволнованного Ромма не соединили, а замминистра Сакотников глухо сказал в трубку: «Товарищ Ромм, вы знаете меру содеянного вами и отвечать будете перед судом чести, который определит меру вашей вины как режиссера, члена партии и гражданина советского общества».

Ромм бросился в ВОКС, чтобы там подтвердили, что в бюллетене по ошибке напечатан не тот вариант, который пошел к Чехову, с одной любезной фразой в конце, а черновик, содержащий десять любезных фраз. Из-за них-то главным образом над Роммом и нависла туча.

Но оказалось, что Каменев уже снят с работы. И лишь составитель бюллетеня Смирнова, оказавшись достаточно смелой, дала справку, все объясняющую. Но тем не менее пошла череда собраний, на которых Михаилу Ильичу приходилось объясняться перед народом, как он дошел до жизни такой, как Каменев дал ему поручение. И каждый раз ему говорили: «Как вы, Михаил Ильич, да как вы это написали? Вы же должны были понимать, что Чехов белоэмигрант, а вы его приглашали...».

С каждым собранием становилось все хуже. Люди стали здороваться с Роммом, опустив глаза. Многие старались пробежать мимо, вокруг режиссера и его жены стал возникать некий вакуум. А если что-нибудь подбадривающее кто-либо из по-

сторонних и говорил, то оглянувшись, нет ли кого рядом. И если не было, то сочувствовали, трясли руку и убегали. В съемочной группе советовали: «Михаил Ильич, вы признайте вину, признайте. Пообширнее, так сказать, поискнее, произнесите речь». — «Да какую вину? Мне же Каменев давал поручение».

И вот состоялся партком «Мосфильма», на котором Всеволод Пудовкин, редактировавший тот злополучный бюллетень, начал тоже активно обвинять Ромма и призывать его признать свою ошибку. Дело было решено передавать в Комитет по кинематографии. После заседания Пудовкин, как ни в чем не бывало, подошел к Ромму поболтать. А тот со свойственным ему чувством юмора остановил его: «Постой. Я сейчас обдумываю заявление в партком Министерства: «Я, Михаил Ильич Ромм, член партии с такого-то года, признаю себя виновным в том, что принял от граждан Каменева и Пудовкина антисоветское поручение написать письмо белоэмигранту Чехову. Являясь тупым орудием в руках граждан Каменева и Пудовкина, я, забывши о своем партийном и гражданском долге, выполнил это поручение. Не находя себе никаких оправданий, я только заверяю партию в том, что если впрямь граждане Каменев и Пудовкин, вместе или по отдельности, попытаются дать мне какое бы то ни было поручение подобного рода, я немедленно доведу это до сведения соответствующих органов».

«Ты что!!!» — заорал Пудовкин.

«Не кричи, — ответил Ромм. — Ты думаешь, что будешь сидеть за красным столом (Пудовкин был членом суда чести), а я на скамье подсудимых? Нет, брат, мы рядом будем сидеть на скамеечке. Вот и все».

Пудовкин тут же побежал к министру Большакову искать спасения. И злополучный суд чести был отменен. Предать ему еще двух народных артистов никто не рискнул.

Петр ТИХОМИРОВ

Туристическое агентство Российского Фонда Культуры «Престиж-Тур»

в сезоне лето-осень 2000 г. представляет:

«Россия, которую мы не потеряли»:

- более 60-ти маршрутов к святыням Русской Православной Церкви
- культурно-исторические туры по Москве и Санкт-Петербургу
- отдых и экскурсии по городам Золотого Кольца и Русского Севера
- речные круизы на комфортабельных теплоходах по маршрутам Москва - Казань - Самара - Астрахань и Москва - Санкт-Петербург - Валаам - Кизи - Соловки
- лечение в уникальном природно-климатическом заповеднике на озере «Эльтон» — «российском Мертвом море».

«Заграница нам поможет»:

- приобщиться к ценностям мировой культуры
- Италия (Классическая Италия, «Италия Дель Арте», «Города искусств», «Вечный город Рим»)

- Франция (Париж, Замки Луары, Бретань, Лангедок, Шампань)
- Испания (Мадрид, Барселона, Севилья, Сарагоса, Толедо)
- Греция (Афины, Салоники, Афон, Метеоры, Родос)
- Израиль (Иерусалим, Вифлеем, Назарет, Галилея)
- отдохнуть и развлечься...

- Отели любых категорий, апартаменты и виллы на Средиземноморском побережье Испании, Италии, Франции, Греции, Кипра, Мальты, Турции и Израиля

- расслабиться и поправить здоровье...
- Антистрессовый курс и лечение на Мертвом море и в лучших клиниках Израиля, талассотерапия и винотерапия во Франции и Швейцарии.

Вы выбираете поездку, мы делаем ее незабываемой!

121019 Москва, Гоголевский бульвар 6, м. «Кропоткинская»
Тел: 291-26-19, 290-49-35, Факс: 202-52-80
E-mail: info@culture.ru

